

К вопросу о ранних восточнославянских переводах с польского

Трудами А. Н. Пыпина, И. А. Шляпкина, П. В. Владимирова, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, М. Н. Сперанского, продолженными А. С. Орловым, В. Н. Перетцем, В. П. Адриановой-Перетц, В. Д. Кузьминой, О. А. Державиной и другими учеными, выявлены многочисленные рукописи, содержащие русские, украинские и белорусские переводы с польского, в том числе церковнославянские переводы с известными лексическими, грамматическими и фонетическими элементами формирующихся восточнославянских языков¹. Среди этих переводов сборники

¹ См.: *Пыпин А. Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857; *Шляпкин И. А.* Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). — Зап. ист.-филол. факта Петербургского ун-та, 1891, т. XXIV; *Владимиров П. В.* Великое зеркало. М., 1884; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. — Сб. ОРЯС, 1903, т. LXXIV, № 1; *Карский Е. Ф.* Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921; *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960; *Орлов А. С.* Переводные повести феодальной Руси и Московского

новелл средневековья и Возрождения — «Великое зеркало», «Римские деяния», «Апофегматы», фацеции, авантюрные и рыцарские романы и повести — «История о Петре — Златых ключей», «Повесть о кесаре Оттоне», «Повесть о Мелюзине», «История о Магилене королевне», «Семь мудрецов», «Повесть об Атыле, короле угорском», «Метаморфозы» Овидия, басни Эзопа и другие. В Московской Руси перевод этих сочинений был сделан в XVII в., большая их часть во второй половине и даже в последней четверти XVII в.², когда создались общественно-исторические условия, способствовавшие проявлению интереса к светской, художественной литературе. В то же время продолжают переводить с польского сочинения исторические, хроники, космографии — такие, как «Хроника света» Мартина Бельского, «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» Мацея Стрыйковского, «Двор турецкого султана» Шимона Старовольского, «Хроника Сарматии» Гваньини, «История короля Владислава» Горчина, «Театрум света» Яна Ботера, «Путешествие в землю святую» Николая Радзивилла, церковные летописи кардинала Барония, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия и др. Переводились законодательные установления, воинские руководства, практические руководства по сельскому хозяйству (раннее из которых «Назиратель»), осовой охоте, коннозаводству, «экономики», поваренные книги. Читались и многократно переписывались переведенные с польского лечебники и травники,

государства XII—XVII веков. Л., 1934; Кузьмина В. Д. Французский рыцарский роман на Руси, Украине и Белоруссии («Бова» и «Петр Златые ключи»). — Славянская филология. 1958, т. II. Она же. Старопольские и русские интермедии. К вопросу об их сравнительно-историческом изучении. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970; Державина О. А. Фацеции, переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962; Она же. Повесть о графине Альтдорфской в русских переводах XVII в. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; Она же. Новопереведенные новеллы «Великого зеркала». К проблеме изучения польских сборников на русской почве. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970; Соколова Л. В. Об источнике перевода «Повести об Аполлонии Тирском». — ТОДРЛ, 1977, т. XXXII, и др.

² Державина О. А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. — ТОДРЛ, 1964, т. XX, с. 244.

астрологические сочинения. Интересовали читателя XVII в. также календари и сонники.

Обилие переводов с польского вплоть до Петровской эпохи³ наряду с непосредственными языковыми контактами не могло не сказаться на развитии русского литературного языка, прежде всего в виде лексических заимствований, изучение которых, начатое Я. К. Гротом⁴ и А. И. Соболевским⁵, продолжается советскими и зарубежными учеными⁶.

Лексикологические, как и другие лингвистические исследования, основанные на изучении рукописей, требуют особого внимания к датировке и локализации рукописных списков переводного произведения, а если возможно — выяснения времени и места перевода. Эти сведения важны для установления времени заимствования и длительности бытования в языке заимствованного слова.

При обращении к переводам с польского перед исследователем встает и вопрос о доле участия в переводе русских переводчиков⁷. Для XVI—XVII вв. это достаточно трудная задача. Широко известно культурное посредничество между Польшей и Московской Русью Украины и Белоруссии, входивших в состав Польско-Литовского государства. Роли посредника способствовала близость украинского и белорусского литературных языков к русскому языку той эпохи.

³ Соболевский А. И. Указ. соч., с. 51.

⁴ Грот Я. К. Филологические разыскания, т. 1. 2-е изд. СПб., 1876, с. 483. — В числе «слов, взятых из польского или через посредство польского», им были указаны *булка, винт, гвалт, гурт, дышло, сбруя, колбаса* и др.

⁵ Соболевский А. И. Русские заимствованные слова. СПб., 1891.

⁶ Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка второй половины XVII в. Л., 1961; Тамань В. М. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961; Она же. Полонизмы в языке русских памятников XVI века. — Учен. зап. ЛГУ, 1960, № 267; Sobik M.-E. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969, и др.

⁷ Н. А. Мещерский связывает эту проблему с задачей отыскания приемов, которыми можно установить языковую принадлежность переводчика (О славяно-русской переводной литературе XI—XV вв. — ТОДРЛ, 1964, т. XX, с. 188).

Все это побуждает с особым вниманием отнести к наиболее ранним из известных переводов с польского на восточнославянские языки, среди которых для истории русского языка важно выявить русские переводы, поскольку в этом вопросе еще остается много неясного.

Исследователи относят появление на Руси первых переводов с польского к XV в., когда были переведены статуты польских королей Казимира Великого и Ягайла⁸. Обобщенность указания на место перевода допускает предположение о том, что перевод может быть отнесен и к Московской Руси. Однако даже беглое знакомство с рукописью статутов Казимира Великого и Ягайла (ГИМ, Увар. № 702) выявляет достаточно много языковых явлений, свойственных западнорусской письменности: замена начального *в* и предлога *в* через *у*: *у вінѣ* (л. 6), *у скарбѣ* (л. 6 об.), *оу сваде* (л. 6 об.), *о удовах* (л. 8), *о удове* (л. 9), *оу великом сойме* (л. 10), *на оудовьемъ столыци* (л. 40), *оу томъ* (л. 40), *оузат* (л. 40), *оу цене* (л. 40 об.), *оу молодості* (л. 40 об.) и др.; предпочтительное употребление форм местного падежа ед. числа с окончанием *-у*: *о братѣ* (л. 7), *о бранью стоговъ* (л. 8), *о сѣженію старостинѣ* (л. 8), *о снѣ* (л. 8), *о порѣчникѣ* (л. 8), *о усильникѣ* (л. 8), *о владарю* (л. 8), *о раздѣлѣ* (л. 8), *о пожарѣ* (л. 8), *о ловѣ заечьемъ* (л. 9 об.), *о шловж (так в ркп.) оленьемъ* (л. 9 об.) и др.; форма местного падежа мн. числа с окончанием *-ох*: *о пожыгльцох* (л. 7), *о паробцох* (л. 9) и др.; *шпѣ-калникохъ дѣвичьихъ* (л. 9); союз *алюбо* 'или, либо': *о жакѣ алюбо ш каплане* (л. 5 об.); *сілою алюбо квалѣтшм* (л. 6); *о дидицтво алюбо ш долгъ* (л. 6 об.), *кто бѣдет раненъ оу сваде алюбо кроме свады* (л. 6 об.), *о пѣстыні селскои алюбо мѣстьскои* (л. 7), *о пожыгльцох домовъ алюбо гѣмна* (л. 7), *зѣ гневѣ алюбо з зависти* (л. 14); *о паробцох алюбо о жонѣкаш* (л. 9 об.). Лексические особенности также указывают на западнорусский перевод: *кто пшеніци позычае* (л. 6 об.), *о позыченіи конѣ хто позычить* (л. 7)⁹; *габани тымъ позовомъ* (л. 14), *габают кмети* (л. 14)¹⁰; *подлѣгъ розѣма головного и подлѣгъ пріятельства* (л. 10)¹¹ и др.

⁸ Лурье Я. С. О путях развития светской литературы. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX, с. 267—268.

⁹ Ср.: *позычѣць* 'одолжать, брать в долг' (Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, с. 456).

¹⁰ Ср.: *габѣць* 'брать, трогать, нарушать' (там же, с. 106).

¹¹ Ср.: *пбдлуг* предлог 'подле' (там же, с. 443).

Очевидно, наиболее ранние переводы с польского, сделанные в Московской Руси, сохранились в Посольских делах. Исследователи считают, что они имеются уже с XV в.¹² Можно назвать и рукописи, хранящиеся в Отделе фондов Верховного управления ЦГАДА: «Выписки из трактатов, до Польши относящихся» 1436—1773 гг., «Манифест короля польского Сигизмунда Августа» 1553 г., «Завещание польского короля Сигизмунда Августа» 1572 г., «Эхо против избрания нового польского короля Генриха» 1572 г. Там же, по описи, хранятся польские рукописи: «Новости из Константинополя» 1542 г., «Статут литовский» конца XVI в.

Имеются сообщения, что переводы с польского для Московской Руси делали и в Польше¹³, что в 1581 г. Стефан Баторий в политических целях отправил Ивану IV перевод «Хроники» Гваньини. Но, по мнению А. И. Соболевского, дошедший до нас перевод с польского этой хроники был сделан в 1655 г. в Иверском монастыре по поручению Никона и связан с покупкой «Гвагнаина» русским послом князем Б. А. Репниным-Оболенским по заказу Посольского приказа. В списке XVII в. (ГПБ, Ф. IV. 130) в качестве оригинала указывается польский перевод с латинского 1611 г. Относительно другого перевода, дошедшего в списках XVIII в. (ГПБ, Погод. № 1497) и XVII в. (ГПБ, Q. VI. 106), А. И. Соболевский заключает, что он сделан с латинского оригинала, с издания 1581 г. По времени издания оригинала этот перевод наиболее близок к тому, который будто бы был послан на Русь Баторием и, очевидно, лишь его исследование позволит высказать определенное мнение об этом переводе.

В Западной Руси и в Московской Руси переводилась в конце XVI в. «Хроника света» М. Бельского. Как считает А. И. Соболевский, великорусский перевод представлен лишь частично, целиком дошла только пятая книга — «Космография», сохранившаяся в рукописи XVII—начала XVIII в. (ГПБ, Ф. IV. 158)¹⁴. Именно этот перевод связывается с упоминанием в «Актах археографической экспедиции» о переводе космографии и польской летописи при митрополите Афанасии (1565—1568 гг.). Известно, что перевод «Хропики света» М. Бельского хранился в цар-

¹² Лурье Я. С. Указ. соч., с. 267.

¹³ Там же, с. 278.

¹⁴ Соболевский А. И. Переводная литература. . . , с. 54—55.

ском архиве, им пользовался царь, о чем свидетельствует дьяческая запись в описи: «отдан к государю»¹⁵. Интерес к этому труду объясняется тем, что «Хроника света» М. Бельского была первой хроникой такого широкого содержания и долгие годы оставалась единственной попыткой целостного охвата всех исторических событий, включая современные¹⁶.

В состав рукописи, содержащей великорусский перевод «Космографии» М. Бельского (ГИБ. Ф. IV. 158), входит также перевод с польского грамматики, сделанный в 1586 г. Андреем Олферьевым¹⁷.

Вообще, можно предположить, что переводов с польского в Московской Руси в конце XVI — начале XVII в. было значительно больше, чем нам сейчас известно.

«Замечательно, что уже в первой половине XVII века высказывалось мнение, будто литературное сближение Московского государства с Польшей проводило в простой народ бесовские ухищрения и волхвования, что через Польшу входили в самую Москву „прохлады и танцы“. Действительно, Польша передала нам много отреченных сборников мистического содержания, гадательных книг, волхвовников и т. п.»¹⁸. И. А. Шляпкин указывает в числе самых ранних русских переводов с польского «Хронику чудес» Конрада Ликостена: «1599 г. — с польского книги Конрада Ликостена „Хроника сирѣчь лѣтописец чудес великих небесных и земных от начала свѣта до нынешних лѣтъ“»¹⁹. Известно, что интерес к «чудесам» этой «Хроники» был так же велик, как к необычным историям, которые во множестве встречались в «Хронике» М. Бельского. Уже в хронографе 1617 г. был расширен объем не только исторических и географических, но и легендарных средневековых сведений, почерпнутых из хроник

¹⁵ См.: Описи царского архива и архива Посольского приказа. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 41.

¹⁶ *Odrodzenie w Polsce*, II. (Historia nauki). Warszawa, 1956, s. 105.

¹⁷ *Соболевский А. И.* Переводная литература. . . , с. 122 (прим. 2), 442.

¹⁸ *Тихонравов Н. С.* Жалостная комедия об Адаме и Еве. Начало русского театра. — В кн.: *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1861, с. 44 (раздел II).

¹⁹ *Шляпкин И. А.* Указ. соч., с. 80, со ссылкой на статью Петрова «О влиянии западноевропейской литературы». — *Труды Киевской духовной академии*, 1872, III, с. 712.

М. Бельского и К. Ликостена²⁰. А. И. Соболевский полагает, что сочинение К. Ликостена переведено на русский с латинского. Может быть, И. А. Шляпкин имел в виду рукопись, не учтенную А. И. Соболевским, или одну из тех, которые не были им изучены? Относительно известного А. И. Соболевскому списка Московского общества истории древностей (ГБЛ, ф. 205, № 121) он сообщает, что оригинал этого перевода — базельское издание на латинском языке: *Prodigiorum ac ostentorum chronicon, quae praeter naturae ordinem, motum et operationem . . . acciderunt. Per Congr. Lycosthenem. Basilae, 1557*²¹. Но еще две рукописи — ГИМ, Увар. № 5 (1873) и № 1976 — А. И. Соболевским упоминаются как предположительно схожие с названной. Обращает на себя внимание, что в записи переводчика в рукописи Увар. № 1976 обозначен год, названный и И. А. Шляпкиным: «а нынѣ пишут по римскому счету 1599 . . .» Не имеют ли рукописи из Уваровского собрания какого-нибудь отношения к переводу с польского, который был известен И. А. Шляпкину? Название «Хроники чудес» в рукописи ГИМ, Увар. № 5 (1873), действительно, сохраняет следы польского ударения: «Кроніка сирѣчь лѣтописецъ чюдѣсъ велікихъ нбсныхъ ѿ земныхъ ѿт начала свѣта до нынѣшнихъ лѣтъ» (л. 60). Это сочинение изобилует собственными именами в польской огласовке, что сам А. И. Соболевский считал верным признаком перевода с польского: Маршъ (Марс), М8лї8шъ, ѳабї8шъ, Плі8ш (вм. Плиниус, л. 70 об.), Етропі8шъ (л. 71), Езекї8шъ (л. 72), Сивї8шъ, Плини8шъ (л. 72 об.), Плині8шъ (л. 75), бога Марша (л. 73), Астилі8ша бойца (л. 75), ѳибї8шъ (л. 81), Ливї8шъ (л. 70 об., л. 81 об., 84, 89 об.), Апі8шъ (л. 92 об.), Ливї8ш (л. 92 об., 102 об., 103, 104). Октявї8ш (л. 114 об.), Марї8ш (л. 112 об.) и др. Что-то помешало А. И. Соболевскому ближе познакомиться с этой рукописью, подтверждающей правильность утверждения И. А. Шляпкина о том, что «Хроника чудес» К. Ликостена — один из ранних переводов с польского. Как считает И. А. Шляпкин, — это русский перевод.

Можно допустить, что среди ранних переводов, которые прежде подобно «Назирателю»²² были определены как

²⁰ История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 47—48.

²¹ Соболевский А. И. Переводная литература. . . , с. 103.

²² См.: Назиратель. Изд. подгот. В. С. Гольшенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.

переводы с латинского, есть и другие сочинения, переведенные с польского, или параллельные переводы — с польского и с латинского. Во всяком случае, в очень многих переводах с латинского А. И. Соболевским были отмечены полонизмы, подчас даже в большом количестве. Иногда обнаруживаются и внутренние противоречия рукописей (в одних случаях — это расхождение между языковыми данными и содержанием записи, в других — разноречивые данные разных языковых уровней, внутренняя противоречивость даже внутри одного уровня языка). Эти противоречия могут быть выяснены только путем текстологического и лингвистического исследования рукописей.

Например, относительно сочинения, условно названного «Причины гибели царств», которое сохранилось в ряде списков XVII в., было высказано предположение, что его «оригинал, если судить по *Клавдиушъ* и т. п. (рядом с *Пирусъ*, *Фабрицусъ* и т. п.) — польский»²³. Вместе с тем в заглавии одного из списков (ГПБ, Q. IV. 270) указан лишь латинский оригинал: «Описаніе винъ, или причинъ, кіими къ погибели и къ разоренію всякая царства приходятъ и кіими дѣлы въ цѣлости и въ покою содержатся. Переведено съ различныхъ книгъ латинскаго языка на русскій Василиемъ Садовулинымъ (на поле: Садовскимъ)»²⁴. А. И. Соболевский поэтому не исключает здесь возможность существования не одного оригинала, а нескольких.

В «Книге о годе и месяцах» в «Круге миротворном» по списку конца XVI—начала XVII в. (МДА, № 103) А. И. Соболевским отмечены полонизмы — *до влохъ*, *волоская земля*, *Ювишъ* (Юпитер), гречизмы²⁵, и в то же время, по его мнению, «местами виден перевод с латинского». Общий вывод: «Очевидно, перед нами не простой перевод с латинского, по крайней мере местами, а переделка русского человека (есть ссылки на «наш» или на «наш русский язык»)»²⁶.

Полонизмы лишь в географических названиях (*шленская земля*, *князь саский*, *Венгерское сирѣчь Угорское ко-*

²³ Соболевский А. И. Переводная литература. . . , с. 165.

²⁴ Там же.

²⁵ Следует заметить, что специальность переводчика того времени могла определяться как «переводчик слов польских и греческих» (ГБЛ, ф. 310, Ундол. 207; ГИМ, Син. 449—450 — запись о переводчике Ф. Гозвинском).

²⁶ Соболевский А. И. Переводная литература. . . , с. 126.

ролевство) замечены А. И. Соболевским в «Космографии в 76 глав», которую он считает «переводом неизвестной нам компиляции немецкого происхождения на латинском или немецком языке», сделанным «до половины XVII в.»²⁷.

Латинский и польский упоминаются как языки оригинала в «Описании Палестины» Анзельма Краковского: «Хорография, или топография сие сотворенное и извѣсное описание земли свѣтыя и о преписания людей извѣсных со Ноя тамо сѣщих мѣсть вѣдомых от латинскаго же и полскаго языка на словенъскій предложено» (ГБЛ, ф. 310, Ундол. 1079, л. 434).

Можно предположить, что наиболее ранние переводы следует искать в числе хроник, космографий, религиозно-назидательных произведений, так как они традиционны по содержанию. В. Д. Кузьмина и О. А. Державина обратили внимание на то, что жанровый состав русской переводной литературы изменяется в середине XVII в., отражая «ожесточенную борьбу нового со старым, происходившую на Руси в XVII столетии»²⁸. Сборники чудес, житий, нравоучительных новелл, хроники, переводы которых были обычны в начале века, постепенно сменяются произведениями светской повествовательной литературы. Списки традиционных по содержанию произведений заслуживают самого внимательного палеографического исследования для уточнения их датировки.

Изучение переводов традиционного содержания актуально также для истории литературного языка восточных славян еще и потому, что их содержание обуславливало использование церковнославянского языка, национальную принадлежность которого определить затруднительно. В то же время для решения этой задачи очень плодотворным может быть изучение аналогичных переводов с польского, в которых указано место перевода. Лексикологами, изучающими заимствования, было высказано следующее мнение: «Памятники, представляющие собой результаты деятельности юго-западных писателей и переводчиков в пределах России и для русской аудитории, могут быть отнесены к разновидности письменной традиции в пределах литературно-письменного языка России,

²⁷ Там же, с. 65.

²⁸ Кузьмина В. Д. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. — ТОДРЛ, 1962, т. XVIII, с. 15; Державина О. А. Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в. — ТОДРЛ, 1964, т. XX, с. 244.

традиции социально ограниченной, групповой, традиции школы, но для первой трети [XVIII] века очень влиятельной»²⁹. Однако изучая переводы, сделанные в конце XVI—начале XVII в., трудно руководствоваться этим верным общим положением, потому что как раз переводы, быть может, сделанные в Московской Руси, редко имеют запись об этом. Лишь внимательное изучение рукописей может расширить круг таких сведений. Яркий пример этого — изучение списков перевода польского религиозно-правоучительного стихотворения «Разговор магистра Поликарпа со смертью», дошедшего в сборнике проповедей. Сохранилось три списка русского перевода (ГБЛ, Волок., № 573; ГПБ, Q. I. 1007 — из собр. Богданова; ГПБ, Q. I. 426 — из собр. Буслаева) с одним и тем же названием «Сказание о смерти некоего мистра великого сиречь философа». А. И. Соболевский датирует Волоколамский список XVII веком. Поскольку более ранние списки не указываются, можно было и перевод предположительно отнести к XVII в., тем более, что, как отмечал А. И. Соболевский, «язык — церковнославянский с большим количеством полонизмов и малоруссизмов»³⁰. Это указывает как будто также на XVII в., когда большое количество полонизмов проникло как в украинскую, так и в русскую литературную речь³¹. Между тем исследование сборника, в составе которого находится Волоколамский список, проведенное Р. П. Дмитриевой, показало, что «по почерку и водяным знакам рукопись можно отнести ко времени не позднее 40-х годов XVI в.»³² Обращаясь к содержанию рукописи, Р. П. Дмитриева заключает, что «этот сборник, сохранивший следы литературной деятельности иосифлянского круга времени игумена Нифонта, был написан в Волоколамском монастыре, видимо, в 30-е годы XVI в.»³³ Сопоставление перевода «Разговора

²⁹ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, с. 49.

³⁰ Соболевский А. И. Переводная литература. . . , с. 234.

³¹ В. Н. Перетц на основании сравнительно небольшого количества полонизмов относил украинский перевод Жития князя Владимира не к XVII, а к XVI или даже к XV в. (см.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. Л., 1962, с. 37).

³² Дмитриева Р. П. Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в. «Разговор магистра Поликарпа со смертью». — ТОДРЛ, 1963, т. XIX, с. 305.

³³ Там же, с. 306.

магистра Поликарпа» с польским оригиналом показало, что русский текст получил другую окраску — были исключены все образные сравнения и юмористические выражения, придававшие польскому произведению юмористический оттенок, оно было превращено в религиозно-назидательную притчу. Р. П. Дмитриева считает, что этот перевод «или, по крайней мере, редакция уже сделанного ранее перевода» принадлежит иосифлянским кругам и «идет безусловно из Волоколамского монастыря»³⁴. Таким образом, время перевода было отодвинуто на столетие назад. Поэтому, учитывая рукописи XVII в. с переводами традиционного содержания польских изданий XVI в., мы не можем исключать возможности значительно более раннего перевода этих сочинений, которые могли дойти до нас в более поздних списках, а также возможной датировки самих рукописей.

Среди религиозно-назидательных произведений мы находим и самый ранний в XVII в. перевод с польского, сделанный в Москве. Как указывает А. И. Шляпкин³⁵, переводчик Посольского приказа Федор Гозвинский перевел с польского «Тропник» папы Иннокентия III в 1607 г.³⁶ Перевод этот был известен во множестве списков³⁷. Из списка ГБЛ, ф. 310, Ундол. № 207 следует, что перевод был сделан в 1609 г.: «В премудростехъ славимыи и въ разѣмѣхъ хвалимыи, честностію же чти честно почитаемый, во своих бо си дѣлехъ хѣдожно познаваемыл, понеже трудолюбно подвизаемый и усердно совершаемый, бгомъ же самѣмъ наставляемый, Феддоръ Касияновъ сынъ Гозвинскій, греческих словъ и польских переводчикъ... перевель сию книжицѹ съ польскаго на рускій языкъ, въ црствующемъ градѣ Москвѣ. В лѣта 7137 прваго же на десять мѣсяца...» Тот же год в списках ГИМ, Син. № 449, № 450.

³⁴ Там же, с. 316, 317.

³⁵ Шляпкин И. А. Указ. соч., с. 80.

³⁶ Более известен Гозвинский как переводчик с греческого басен Эзопа. См.: Тарковский Р. Б. Государев толмач Федор Гозвинский и его перевод басен Эзопа. — Вестник ЛГУ, № 14. Сер. истории, яз. и лит., 1966, вып. 3.

³⁷ Шляпкин И. А. Указ. соч., с. 80, прим. 7. — Мы можем указать список, датированный концом XVII в. (ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 320—700).

Скорее всего среди рукописей с сочинениями традиционного содержания могут быть обнаружены новые ранние переводы с польского.

При этом следует принять во внимание, что множество религиозно-назидательных произведений переводилось в XVI—начале XVII в. с польского в Юго-Западной Руси, где в это время шла тесно связанная с судьбами украинского и белорусского народа полемика православной церкви с униатской и католической.

Распространение в Западной Руси религиозно-назидательной литературы на польском языке в XVI в. было связано с предшествовавшими событиями. Как известно, в середине XVI в. была захвачена польскими феодалами Галиция, в первой половине XV в. — западная Подолия и Волынь. А со времени Люблинской унии 1569 г. Польше были подчинены Литва и все белорусские земли. Знакомство с польским языком стало жизненно необходимым в Польско-Литовском объединенном государстве. Церковь — католическая и униатская — способствовали этому. В 1563 г. в Бресте в типографии Н. Радзивилла напечатана на польском языке Библия. В Вильно в 1579 г. были изданы «Жития святых» польского иезуита П. Скарги, затем несколько раз переведенные на белорусский язык. На польском языке издавались не только религиозные, но и светские произведения: сочинения Цицерона, Эразма Роттердамского, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, сборники элегий Феогнида ³⁸.

Польским языком хорошо владели украинские и белорусские писатели и просветители. В XVI и XVII вв. в Западной Руси были осуществлены переводы с польского Библии и отдельных ее книг, отдельные переводы псалтыри, два перевода евангелия ³⁹. В Киеве, в Михайловском монастыре хранилось также Евангелие 1581 г., переведенное в местечке Хорошево на Волыни Валентином Негалевским с польского Евангелия Мартина Чеховича ⁴⁰.

Одновременно белорусские и украинские писатели вели полемику с иезуитами, связанную с вопросами национальной самостоятельности этих народов. Очень часто полеми-

³⁸ История белорусской дооктябрьской литературы. Ред.: В. В. Борисенко, Ю. С. Пширков, В. А. Чемерицкий. Минск, 1977, с. 241, 258.

³⁹ Там же, с. 239.

⁴⁰ Владимирова П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев, 1890, с. 40.

ческие произведения появлялись на двух языках — польском и «русском» (так называли свой язык западнорусские и южнорусские авторы). В 1596 г. во время официального объявления унии Стефан Зизаний издал в Вильно на «русском» и польском языках «Казанье святого Кирилла», получившее известность и в Московской Руси⁴¹.

В 1597 г. в Вильно в переводе И. Потия на «русский» язык появилось сочинение П. Скарги «Synod brzeski». В ответ было написано украинско-белорусское полемическое сочинение «Апокрисис, албо отповедь на книжки о съборе Берестейском», вышедшее в 1597 г. в Вильно на польском языке, а в 1598 г. в Остроге в переводе на «русский» язык, сделанном при участии автора, который выступал под псевдонимом Христофора Филалета⁴². Нередко произведения, обращенные к католикам и униатам, писались украинскими и белорусскими писателями лишь на польском языке. Мелетий Смотрицкий, автор первой грамматики церковнославянского языка, он же архиепископ Полоцкий, написал на польском языке ряд сочинений: «Новый календарь римский» (издан в Остроге в 1597 г.), «Отповедь на едкие сочинения, написанные отступниками» (издано в Вильно в 1610 г.), «Оправдание невинности и опровержение мнений, унижающих русский народ»⁴³.

В XVI—XVII вв. много полемических произведений на польском языке было написано украинскими писателями. В форме борьбы за христианство они выражали актуальные для их времени идеи общеславянского единства. Эти произведения очень скоро после издания становились известными в Москве, читались здесь и переводились на русский язык⁴⁴.

Владение польским языком, естественно, накладывало отпечаток на речь украинских и белорусских писателей и переводчиков. Поэтому переводы с польского, сделанные в Юго-Западной Руси, могут быть правильно оценены, если они рассматриваются как переводы на украинский и белорусский литературный язык.

⁴¹ Охрименко П. П., Пильзук И. И., Шлапак Д. Я. История украинской литературы. М., 1970, с. 37.

⁴² Там же, с. 38.

⁴³ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, с. 259—260.

⁴⁴ Шолом Ф. Я., Чепига И. П. Произведения Иоанникия Галатовского на польском языке. — ТОДРЛ, 1970, т. XXV, с. 323—324.

«Уже в XIV—XV вв. лексико-семантические различия языка северо-восточных, западных и южных памятников становились заметными, хотя на юго-западе в это время распространен был общий для этой территории язык деловой письменности. В XIV—XV вв. получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков. Эти особенности многократно описывались в лингвистической литературе, хотя их исследование (особенно в области словообразования, синтаксиса и лексики) не завершено или даже только начато»⁴⁵.

Вопрос о названии языка переводов представляется заслуживающим внимания применительно к ранним восточнославянским переводам с польского.

Письменный язык южнорусских и западнорусских памятников, отличавшийся уже от языка памятников, написанных на территории Московского государства, по традиции в самих текстах назывался «русским» или «руским». Сохранению названия способствовало кроме традиции и национального самосознания еще и то, что так назывался и государственный язык Великого княжества Литовского.

Украинцев и белорусов в иностранных, в частности польских текстах того времени, называли «русинами», например, в предисловии Яна Мончинского к его Лексикону. В XVI в. Русью именовалась область, занятая всеми восточными славянами, а также Подвинье и Поднепровье в отличие от Украины, Волыни, Жмуди и Литвы⁴⁶.

Вслед за Ф. Скориной, называвшим язык своих переводов «русским», так называли язык своих сочинений многие белорусские писатели вплоть до XVII в.⁴⁷ В книге могилевского архимандрита Варлаама Половка, изданной в 1637 г. и содержащей перевод «Истории о Варлааме и Иоасафе», на титульном листе значилось: «нóво з грéцкого и словенского на рúский язык прелóжена»⁴⁸. Церковнославянский язык в переводах обычно называется «словенским» или «словенорусским». И. К. Белодед, ука-

⁴⁵ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 635.

⁴⁶ Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, т. 1. Мінск, 1967, с. 238.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Карский Е. Ф. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени, 2. Старая западнорусская письменность. Пг., 1921, с. 46.

зывая на объединительное значение церковнославянского языка для восточных славян, отмечает случай, когда «русским», по его мнению, в XVII в. назван церковнославянский язык⁴⁹, но в этом случае речь идет о языке переводчика, нанятого в Молдавии. В то же время Е. Ф. Карский считал, что в XVI в. «в Западной Руси легче было найти человека, знающего латинский и греческий языки, нежели церковнославянский»⁵⁰. Е. Ф. Карский напоминает сетования Курбского: «аще мольбу и добуду грецкимъ умѣющаго, або латинскимъ, но словенскіи не будутъ умѣти». При отсутствии грамматик и словарей церковнославянский язык подвергался значительному воздействию живого белорусского языка. Наиболее активный иезуит П. Скарга, обвиняя «словенский» язык в «некультурности», доказывал это также тем, что он не имеет своих Калепиных, имея в виду широко распространенный в Польше и в Западной Руси латинский словарь (A. Kalepini. Dictionarum undecim linguarum), проникший в XVII в. и в Московскую Русь.

Обычай переводчиков называть язык перевода не всегда помогает исследователю определить его действительную языковую принадлежность. Это особенно трудно бывает определить по поздним спискам, обнаруживающим языковые наслоения, изменение редакции и состава рукописного памятника. Таким является, например, сделанный в XVII в. список лечебника, содержащий очень важную запись о том, что этот лечебник был переведен с польского в XV в. (ЦГАДА, собр. ЦГАЛИ, оп. II, № 176)⁵¹: «По милости вседержителя бога предвечнаго переведен бысть сей лекарник з латинских книг с польского языка на русский язык лета 6996, круг солнцу 8, а луны 19. индикта 4, а нарождения господа нашего Иисуса Христа лета 1487». Л. Н. Пушкарев во введении к публикации, оценивая значение этой записи, напоминает, что до сих пор самым ранним переводом «вертограда» считался сделанный в Москве в 1534 г. перевод с немецкого языка. Второй по времени — перевод с польского языка — был

⁴⁹ *Белодед И. К.* Обучение языкам в братских школах на Украине в XVI—XVII вв. (эюд из истории восточнославянских языков). — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 174.

⁵⁰ *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 9.

⁵¹ Памятник опубликован в издании: Редкие источники по истории России. [Сост. З. Н. Бочкарева и М. Е. Бычкова]. Под ред. А. Н. Новосельского и Л. Н. Пушкарева. М., 1977.

сделан в 1588 г. Следовательно, «две датировки издаваемой рукописи вносят коренную поправку в историю переводных древнерусских медицинских книг».

Однако едва ли мы можем считать этот перевод лечебника, сделанный, судя по записи, в 1487 г., древнерусским, принимая во внимание, что рукопись содержит украинский список (он предшествует записи на л. 94), где наглядно представлены черты, отличающие украинский язык от русского — чередование гласных в зависимости от открытости и закрытости слога (*гвиздиков*, с примечанием издателей, очевидно, принявших написание за опisku: «надо „гвиздиков!“»), совпадение *ы* и *и* (*диню, бозовие ягоды, гризет, посипати, глисти*), рефлекс *о* и *е* с последующим *ј* (*мьет, пий, не пий, спий* ‘выпей’, *накрый*), отсутствие начального *и* перед согласным (*мел, маешь*), чередование заднебных с переднеязычными в падежных формах в конце основы существительных (*на руке, на ноге, в человеце*), а также *и* из *ѣ* (*издил, ижь ‘ешь’*), окончание *-ий* в им. п. местоимений (*такий*) и др.

Если сопоставить языковые черты рукописи с записью, то наиболее вероятным будет предположение, что перевод лечебника — украинский⁵².

Ранний перевод травника с польского, сделанный в Московской Руси, был описан в XIX в. по скорописному списку XVII в. Успенского женского Александровского монастыря⁵³ (нынешнее местонахождение рукописи нам неизвестно). Рукопись содержала на л. 2 следующую запись: «Глаголема сѣ книга лѣкарская Травникъ здешних и тамошних зелей польского языка, а латинскими словы от римскихъ мастеровъ переведена пану Станиславу воеводѣ Троцкому Гажтовтову. Списана в Краковѣ в #АУКГ (1423 г.), а с польского языка переведена на рус-

⁵² Сошлемся на мнение, высказанное в академической «Истории русской литературы» о переводе «Троянской истории»: «Вряд ли перевод сделан москвичом: для XVI—начала XVII в. он не стал бы называть свой язык „русским“, как это делает переводчик „Троянской истории“. Этот термин для определения русского литературного языка был принят в ту пору у белорусов и украинцев» (История русской литературы, т. II. Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. М.—Л., 1954, с. 295).

⁵³ Рихтер В. М. История медицины в России, ч. 1. М., 1814, с. 313—314; Историческое и археологическое описание Успенского женского монастыря в г. Александрове Владимирской губернии. Составил архимандрит Леонид. СПб., 1884; Змеев Л. Ф. Русские врачевники. СПб., 1895, с. 38.

ский язык повѣленіемъ воеводы Ѳомы Афанасьевича Бутурлина, в лѣто 7398 (7096, т. е. 1588 г.), в богоспа-саемом граде Серпухове, а перевел ее пан Станиславъ Станчискій. . .»⁵⁴

А. И. Соболевский считает, что переводчиком лечебника 1588 г. был «если не поляк, то белорус»⁵⁵. Если бы появилась возможность обратиться к рукописи, исследование ее при современном уровне изучения истории восточнославянских языков позволило бы установить ее языковую принадлежность.

Могут быть названы и другие ранние переводы с польского, местонахождение которых в настоящее время неизвестно. Сообщение об одном таком памятнике находим у Н. К. Гудзійа⁵⁶, который напомнил, что А. Е. Викторовым⁵⁷ была описана рукопись, написанная украинской скорописью XVI в., которая содержала полный перевод «Патерикона» и прежде находилась в Ниловой Столбенской пустыни: «Патерикон, или житія святых отецъ Печерских, прославленных славянскимъ языкомъ чрезъ святаго Нестора, законника и летописца росского, прежде написанный, лета же отъ воплощения господня 1635 с греческих, латинских, славенскихъ и польскихъ летописцевъ чрезъ чеснаго о Христе отца Сильвестра Коссова, епископа Мстиславского, Оршанского и Могилевского, собранный и польскимъ языкомъ в Кіеве в типографіи св. лавры Печеро-Кіевскія изданный». Знакомство с рукописью представляло бы несомненный интерес, принимая еще во внимание и то, что на польскомъ языке Кіево-Печерскій Патерик (Paterikon) впервые был напечатанъ лишь в 1637 г.⁵⁸ Только палеографическое изучение рукописи могло бы устранить очевидное противоречіе между датировкой рукописи и временемъ появления польскаго издания, которое сейчасъ представляется более позднимъ, чемъ его перевод.

⁵⁴ Цит. по кн.: *Змеев Л. Ф.* Указ. соч., с. 49.

⁵⁵ *Соболевскій А. И.* Переводная литература, с. 42.

⁵⁶ *Гудзій Н. К.* Традиції літератури Київської Русі в старітніх українських і белорусських літературах. — В кн.: Славянські літератури. Доклади совєтської делегації. V Міжнародний з'їзд славистів. Софія, сентябрь 1963. М., 1963, с. 28—29. — За свєдєння о переводє «Патерикона», датированном XVI в., автор іскренне признателен В. С. Гольшенко.

⁵⁷ *Викторов А. Е.* Описи рукописних збораній в книгозберігачах северної Росії. СПб., 1890, с. 214.

⁵⁸ *Гудзій Н. К.* Указ. соч., с. 28.

Востонославянские переводы с польского были одним из важнейших явлений культурной жизни Московской Руси и Западной Руси конца XVI—начала XVII в. Их выявление, атрибуция и изучение безусловно необходимы для решения многих вопросов исторической лексикологии и — шире — истории русского литературного языка и его взаимоотношений с другими восточнославянскими языками.